

СЕРГЕЙ ДИГОЛ

**Подлинные имена
бесконечно малых величин**

Роман

Издательские решения

Сергей Дигол

**Подлинные имена
бесконечно малых величин**

«Издательские решения»

2014

Дигол С.

Подлинные имена бесконечно малых величин / С. Дигол —
«Издательские решения», 2014

Роман, вошедший в длинный список ежегодной национальной литературной премии «Национальный бестселлер» за 2014 год. Роман – постмодернистская игра, в которой люди и даже предметы кочуют из одной истории в другую, а сюжеты порой напоминают перевертыши, да такие, что уже не разобрать, а есть ли среди персонажей романа, даже самых могущественных, хотя бы одна «не бесконечно малая величина»?

Содержание

1. Нику	6
2. Анна	13
3. Адриан	17
4. Анна	20
5. Нику	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Подлинные имена
бесконечно малых величин
Роман
Сергей Дигол**

© Сергей Дигол, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1. Нику

Он выдумал себе правило и в одиночку читил его незыблемость. Днем не закрывал внутреннюю входную дверь и не зажигал свет в прихожей. Правило казалось надежным и должно было внушать визитерам, рассматривающим наружную дверь, грязно-рыжего окраса поверх холодного металла, мысль о том, что кроме возможных домашних питомцев других обитателей в квартире в данный момент нет. Нику и сам понимал, что правило годилось лишь для светлого времени суток. Ночные нежелательные визиты грозили не столько продолжительным звонком, поначалу переворачивающим сюжет сновидения, а потом не оставляющим от него и следа, сколько выломанными дверями или влетающими в комнату вместе с осколками стекол темными фигурами на фоне лунного света, прыгающих со своих страховочных канатов прямо на ковер, не оставляющих шансы на спасение и возможности толком проснуться. Лежать! Руки за спину, лицом в пол!

Ночь пахла предательством и вероломством, но днем оставалась возможность остаться незамеченным, пусть ненадолго, но выиграть время. Или, если дела совсем плохи, продумать варианты более-менее почетной капитуляции, если дверь все же взломают крепкие ребята в камуфляже, с одинаковыми черными головами, отличающимися лишь цветом глаз, проглядывающих сквозь прорези на масках.

Профессия вора шлифовала работу органы чувств, и Нику не без основания считал свой слух и зрение если не совершенными, то гораздо более развитыми, чем у большинства людей. Вот и теперь, переждав, пока взбудораженное прерывистым звонком в дверь сердце перестанет отдавать в барабанные перепонки изнутри, он сполз с дивана и в восемь шагов – четыре ногами и четыре уподобившимися передним лапам руками, – выбрался из комнаты в прихожую. Через новые десять шагов, снова став прямоходячим, Нику застыл в промежутке между двумя входными дверями, прижимаясь плечом к косяку. От дверного глазка его отделяли менее полуметра – достаточная дистанция, чтобы поддерживать у внешнего наблюдателя иллюзию пустой квартиры. Двадцать лет он обчищал чужие квартиры, но в своей всегда чувствовал себя гостем, временным поселенцем, которому в любой момент могут заломить руки за спину и переселить в новое жилище, более темное и сырое и где, как не крути, любой мало-мальски уважающий себя вор чувствует себя на своем месте, пронося через всю жизнь внутреннее согласие с теми, кто спит и видит его за решеткой.

– Показания газового счетчика, пожалуйста!

Услышав за дверью женский голос, Нику отвел себе мгновение, чтобы, мельком взглянув в глазок, безошибочно оценить ситуацию. Подробно девушку за дверью он не разглядел, а впрочем и увиденного было достаточно, чтобы дать ей короткую и точную характеристику. Она была неудачницей, и нахальная уверенность ее голоса не могла обмануть.

Даже не решаясь снова глянуть в глазок, Нику представлял все, что происходило на лестничной площадке. Открыв дверь квартиры напротив, близорукая тетя Нина из тридцать пятой поковыляла на кухню. Там она, взглянув на счетчик, поворчала и теперь тащится через всю квартиру в зал, за очками, без которых ей не разглядеть цифр на все еще пугающем ее устройстве, соединенным с газовыми трубами. Затем она отправляется в повторную атаку, снова через всю квартиру, на этот раз вооруженная очками, и снова терпит поражение, понимая, что восьмизначное число ей не донести до девушки в дверях, и что в ее старческом крике девушка скорее всего не разберет нужных цифр. Заканчивается все тем, что у тети Нины снова дрожат руки, и она шарит ими по столешнице, заколдовывая воздух, из которого перед ее носом должны брякнуться блокнот и ручка.

– Только первые пять цифр! – раздался голос девушки, и Нику только сейчас понял, что и сам никогда не задумывался, как высчитывается кубатура израсходованного природного газа.

С тетей Ниной у Нику были связаны два страха. Первый – что ее обворуют и значит, будут допрашивать соседей, а его и Чеботарей из тридцать шестой – в первую очередь. Второй страх был отблеском апокалиптической картины, на сюжетной периферии которой старушка-соседка, утирая слезы, с нескрываемым любопытством провожает глазами закованного в наручники Нику, спускающегося по лестнице в сопровождении мрачных людей в штатском.

Сегодня можно было не опасаться ни того, ни другого. К тете Нине заглянула хроническая неудачница, а в дверь Нику трезвонила не полиция. И все же в его голове завертелась карусель из мыслей. Так, должно быть, бывает с потерпевшими кораблекрушение – конечно, не со всеми, а лишь с теми, кому подвернулся под руку один из обломков корабля. Например, фрагмент мачты, держась за которую, хочешь не хочешь, приходится молиться о том, чтобы появившийся на горизонте платок оказался не прощальной зрительной иллюзией, а парусом спешащего на помощь судна.

Нику слышал, как за тетей Ниной захлопнулась дверь и как девушка из, как уже стало понятно, компании «Молдова-газ», не дождавшись ответа от Чеботарей, засемила по лестнице вниз. По другому и быть не могло: вначале она прокатилась на лифте до девятого этажа, там же и был дан старт ее инспекции. Теперь, увлеченный захватывающей, хотя и не вполне ясной идеей, Нику понял, что нужно торопиться. В запасе у него оставалось два нижних этажа.

Он осторожно потянул на себя дверь и бесшумно отодвинул защелку. В коридоре вынул ключ из кармана – воспользоваться одному ему известным секретом. Плавно затолкнув язычок замка сбоку, он вставил длиннющий ключ в узкую замочную скважину и, притворив дверь, начал медленно вытягивать ключ обратно. Защелка все равно звякнула, но Нику не стал паниковать. Внизу слышались мерные голоса: кажется, девушка из газовой конторы уже общалась с соседями с первого этажа.

Оставшись неуслышанным, Нику также бесшумно переместился на пролет ниже и присел перед лестничным окном. Голоса внизу стихли и через несколько мгновений он увидел причину наступившей тишины. Проверяющая – с высоты второго с половиной этажа она выглядела ниже и плотнее, чем через щель глазка, – вышла из подъезда во двор. Больше медлить было нельзя.

Во дворе Нику первым делом потерял девушку из виду и присел на первую же подвернувшуюся скамейку. Он совсем не расстроился. Выход из огромного двора, шириной в полторы проезжих полосы и два узких тротуара, очерченный торцами двух девятиэтажек напротив, лучше всего просматривался как раз у входа в подъезд, где жил Нику. Покинуть двор, даже бегом, девушка за четверть минуты, которые у Нику занял спуск с площадки между вторым и третьим этажом, все равно не успевала. Значит, рассудил он, она все еще здесь, во втором или четвертом подъезде.

На скамейке он распрямил спину и с удовольствием вдохнул в себя пропитанный липовым цветом воздух. Лето, напуганное июнем с его порывистыми ветрами и холодными ливнями, теперь наверстывало упущенное и уже вовсю дарило тепло резвившимися на площадке детям. Время отпусков, вспомнил Нику и погрустнел. Когда-то лето было для него горячим сезоном, что для квартирного вора равносильно отсутствию какой-либо перспективы поваляться на пляже. За три летних месяца он обеспечивал себе благополучие до конца года, а еще – целый сентябрь на побережье в Одессе, где на собственной шкуре применял метод постепенного закаливания: от бархатных двадцати двух градусов морской воды в первых числах осени до стоических плюс шестнадцати к концу месяца. Теперь даже летом не приходилось перетруждаться, а отдых на море ему не светил даже в прохладном сентябре.

Он не считал себя старым – через год разменяет пятый десяток, – но чувствовал, что все безнадежней отстает, и кроме постоянного угнетения это приносило куда более заметную финансовую неудовлетворенность. Нику понятия не имел, куда податься, при том что он, воспитанник кишиневского детского дома, стал взрослым, так и не перестав быть ребенком. Да

и в тюрьму он попал совсем мальчишкой, в двадцать один год, имея за спиной три года стажа домушником и около тридцати обчищенных квартир, при том, что следствию удалось доказать его причастность лишь к двум кражам. Он вспоминал себя того, наглого и побитого жизнью ребенка и видел себя сегодняшнего, заикленного как маленькая девочка на детской горке. Вот она карабкается по лестнице на горку, запинаясь о последнюю ступеньку и растягивается на верхней площадке. С ревом тянется к издерганной матери, вздрагивает в ее объятиях, успокаивается и с веселым визгом съезжает вниз, чтобы оказаться у подножия горки, на верхней площадке которой она вновь устроит плач и вой.

Нику тоже бегал по кругу, много лет подряд, и спотыкался в одних и тех же местах. Он сидел на скамейке, рассеянно смотрел на детей и пытался понять, кто она, эта девушка из глазка – спасение или очередная уловка водящей его за нос и по замкнутому кругу судьбы?

Вот, кстати и она – выходит и действительно из четвертого подъезда. Поднявшись, Нику отпустил девушку от себя шагов на двадцать и вышел за ней на улицу Доги. Дошел до перекрестка с улицей Владимиреску, трусцой пересек пешеходный переход и когда понял, что девушка вот-вот запрыгнет в троллейбус, побежал по-настоящему.

Вместе они доехали до конечной седьмого маршрута, где троллейбус, устав от бесконечного подъема в гору, с трудом поворачивает на улицу Докучаева и еле проползает последние метры до остановки. Вот и предлог поменять район работы, если, конечно, девушка действительно здесь живет. Обчищать квартиры в собственном районе было невозможно, и Нику подумал о Ботанике, идеальном спальном районе с множеством многоэтажек, куда, к тому же, девушке быстрее добираться.

Только бы все сошлось, повторял он про себя, признавая, что в слишком многое в его жизни не сходится. Мир, будь он неладен, стремительно меняется, вот только сильно ли успокаивает эта без конца повторяемая по телевизору фраза? Как бы то ни было, это было правдой: мир, к которому он привык, изменился до уродливой неузнаваемости. Его не пугала даже сигнализация почти в каждой квартире, хотя может ли не пугать квартирного вора сигнализация? Изменилось, причем не в лучшую сторону, наполнение квартир.

Во-первых, в них появились люди. Мокрушником Нику никогда не был и перед тем, как достать отмычку, молился, чтобы в доме не оказалось живой души. Теперь найти пустую квартиру – даже днем, даже летом, – было занятием не из простых. Домохозяйки, эти женщины от двадцати пяти до пенсии, домработницы любых возрастов, всегда наглые и крикливые, появлявшиеся именно тогда, когда поселяется уверенность в стерильной чистоте квартиры от живых существ. Женщины, сплошные женщины. Женщины с детьми, женщины с любовниками – они ломали намеченные планы, сокращали доходы, рушили дело всей его жизни.

Во-вторых, даже в отсутствии людей, квартиры не радовали щедростью трофеев. Прошли времена легенд и воровских мифов, в том числе об украденном еще при Брежневе телевизоре, который якобы спустили с девятого этажа при помощи пристроенного к многоэтажке строительного подъемника – обычно их устанавливают для сезонного латания крыши. Теперь телевизор мог украсть лишь сумасшедший, и лишь сумасшедший мог позариться на стационарный компьютер. Из техники крали, в основном, ноутбуки, но и здесь улов был невелик: хозяева переносных компьютеров привыкли таскать их целыми днями на себе, в сумке через плечо. Мало-мальски сохраняли позиции ювелирные украшения. Они, пусть и не так как в прежние времена, всегда были в избытке – на то они и вечные ценности. И уж совсем плохо обстояло дело с наличными деньгами.

Между прочим, Нику с самого начала не переносил новое племя, этих взломщиков банкоматов, причем еще тогда, когда первые из них стали попадаться на попытке выковырять банкноты с помощью отвертки. Он ненавидел эти серые лица с камер слежения, эти натянутые на глаза спортивные шапочки. Глядя на них в разделах полицейской хроники, Нику понимал свою безнадежную отсталость и вынужден был признать, что извлечь деньги из банкомата

ему не удалось бы даже при помощи килограмма тротила. Деньги из квартир, деньги, зажатые между страницами в книжном шкафу, купюры из бабушкиных ридикюлей, обернутые в три шелковых платка – все это добро теперь превратились в маленькую прямоугольную пластинку из пластика. У него не было причин любить взломщиков банкоматов, этих шустрых парней, перехватывавших его заработки прямо из банкоматной щели.

А еще Нику видел, как погибает общак. По привычке, а скорее из чувства долга, все более похожего на гаснущую надежду, он еще ездил на Малую Малину, с деньгами для общака, который держал Влад Цыган. Дом Цыгана, еще лет десять назад напоминавший перевалочный пункт беженцев, теперь был огорожен трехметровым забором, из-за которого виднелись второй и третий этажи, а также мансарда особняка, построенного на месте когда-то одноэтажного дома. Теперь Нику не пускали даже за порог, а деньги принимал охранник: отрывал щель в калитке, снаружи не отличавшуюся от щели почтового ящика, и ждал, пока Нику протянет конверт. Когда с обратной стороны за конверт никто не тянул, он проваливался куда-то в пустоту, и Нику казалось, что его деньги каждый раз подбирают с земли.

Хозяина особняка он теперь видел лишь по телевизору. Нику помнил Влада Цыгана еще молодым, без седины, залысин и заметного живота, вечного хохмача, заливавшегося над собственными анекдотами и все никак не мог привыкнуть к тому, что депутат Парламента в зеленом галстуке, легко переходящий от борьбы с коррупцией на подробности реформы медицины и есть тот самый авторитет, с которым в годы их общей молодости было так легко и надежно. Влад, с которым Нику чувствовал себя наравне.

В последний раз с Владом он столкнулся у этого самого забора года три назад. Нику, как обычно, принес деньги, но на протянутый конверт охранник Цыгана, детина в темных очках, отреагировал с невероятной для его комплекции прыткостью. В мгновение ока выбил у Нику конверт, а во второе – скрутил ему руки за спиной и оцарапал грудь, колени и правую щеку об асфальт.

– Полегче, Рику! – отплевываясь кровью от пыли, услышал Нику голос Цыгана. – Это же друг семьи, будь с ним повежливей. И, кстати, посмотри, что там у него в конверте.

В конверте было сто евро одной купюрой. Взяв ее двумя пальцами как пинцетом, Цыган посмотрел через купюру на свет, словно проверяя ее на подлинность.

– Тяжелые времена, братишка? – спросил он лежащего с заломанными руками Нику.

– Но ты все равно заходи, – добавил авторитет. – Кто знает, где все мы будем лет через пять?

Нику так и сделал. Приходил каждый месяц с конвертом, в котором лежало когда сто, когда сто пятьдесят, но чаще всего восемьдесят евро. Эту сумму Нику считал компромиссом между позорными пятидесятью и разорительной для него сотней, причем думал, что еще уступает, округляя средние семьдесят пять в большую сторону. Как бы то ни было, но принимая деньги, ему делали одолжение. Правда, за трехметровый забор Нику больше не пускали, не было и никаких обнадеживающих вестей с той стороны. Ему ничего не обещали, но и не прогоняли и, кажется, это было вполне адекватным ответом на его больше похожий на подачку вклад в тот старый добрый общак, в существование которого верил, похоже, лишь он один.

Погибал не просто общак, само ремесло квартирного вора переживало нелегкие времена. Будущее виделось Нику сплошным черным коридором, и кто скажет, не была ли это стена в темноте на расстоянии вытянутой руки? Тот же Цыган, прежде кормившийся с квартирных денег, теперь крутился в высших кругах со своей депутатской неприкосновенностью, транзитом наркотиков и контрабандой продуктов питания. Поговаривали, впрочем, что он крышует и попрошаек, от фальшивых инвалидов до липовых мамаш с вечно спящими от уколов детьми – покровительство, которое особенно больно било по самолюбию Нику. Думал ли он, что доживет до того дня, когда квартирные кражи будут котироваться ниже, чем уличное попрошайничество?

На остановке Нику вновь чуть не потерял девушку, и на этот раз дело обстояло куда серьезней. Он даже решил, что девушка его расколола и нарочно нырнула в самую гущу непонятно откуда взявшейся толпы. Взмокнув от жары и волнения, Нику все же выцепил в море голов уже знакомый хвост и почувствовал инстинктивное движение рукой, словно пытался схватиться за него на расстоянии десяти-пятнадцати метров.

Идея, выстроившаяся в его голове за время, пока троллейбус полз из одного конца Кишинева в другой, теперь не оставляла Нику другого выхода. Он шел за девушкой как за поводырем, чувствуя, что многие годы жил слепцом и прозрел лишь сегодня, глянув в дверной глазок.

Не упуская из виду голову с хвостом и сообразив, что скоплению людей в четыре часа дня улица Докучаева обязана посетителям рынка через дорогу, Нику держался, как за невидимую нить, за мысль о том, что девушка, снимающая показания с газовых счетчиков – вариант, лучше которого и быть не может. Она точно знала, в какое время можно застать хозяев квартиры, а главное – когда приходить, чтобы, открыв дверь отмычкой, не оказаться застигнутым врасплох и с поличным. А еще у Нику заныло в животе, от волнения и от аппетита, разыгрывающего от одной мысли об открывающихся перспективах. Чего стоила только возможность газовой проверяющей безнаказанно и, главное, законно заглядывая в чужие квартиры, оценить шансы щедрого воровского улова. Нику не переживал: воровской наблюдательности он ее научит и сам. Так ведь и не придется ей воровать, ее задача – стать идеальным наводчиком. Сейчас же главное – первый шаг, на который он решился, даже не пытаясь рассмотреть ее пальцы. Впрочем, он и так, даже не увидев обручального кольца, понимал, что девушка не замужем.

– Вот черт! – пробормотал он и побежал за ускорившейся девушкой.

Он совсем забыл, как нужно знакомиться с девушками. Впрочем, волнение всегда сковывало его даже в те минуты, за которые он платил и платил немало. Минуты, которые было нелепо тратить впустую, робея перед проституткой. Пару раз в троллейбусе он ловил взгляд девушки и мог поручиться, что она голодна – до любви и просто до еды. Прекрасный повод для знакомства с последующим посещением ресторана.

– Какая хрень, – пробормотал он под нос, когда вся затея, от звонка в его дверь, до остановки на улице Докучаева, уже казалась ему одним из самых нелепых безумий в жизни.

Ему хотелось на Ботанику, туда, где можно, снисходительно усмехнувшись соблазнительно поблескивающим окнам многоэтажек, неспешно прогуляться по казавшемуся в детстве бесконечному бульвару, вдыхать липовый аромат и испытывать необъяснимую радость от вида кустов роз, этих причудливых крон без стволов, растущих прямо из земли. Он шел за девушкой и мечтал, чтобы она снова исчезла, на этот раз бесследно и не дав ему ни малейшего шанса.

Но она поступила иначе. Не дав Нику приблизиться, взяла и свернула в продовольственный магазин.

Нику решил: пусть это будет бутылка вина. Нужно только дождаться, когда девушка из газовой конторы пройдет мимо полок с алкоголем, где он с видом знатока, озадаченного скорее скудостью выбора, чем обилием сортов и разбросом цен, застынет в ожидании решения серьезной проблемы. Бутылкой какого из немногочисленных вин не испортить сегодняшний вечер? Ее совет как повод для знакомства – почему бы и нет?

Вариант пришлось отбросить почти сразу. Захватив булку хлеба и банку сметаны, проверяющая из «Молдова-газа» направилась напрямиком к кассе. Решение Нику принимал на ходу, прямо у холодильника с прохладительными напитками. За правдоподобную легенду он готов был поблагодарить погоду: без четверти пять за окном жарили полуденные тридцать два градуса.

Нику достал из холодильника банку Кока-колы, жестяную, на тридцать три миллилитра и, подойдя к кассе и энергично встряхнув ее, вонзил алюминиевое кольцо в жестяную крышку, одновременно чуть наклонив банку вперед. Вышло не так, как он задумывал. Струя не вздыбилась гейзером, а залила ему пальцы, но цель все равно была достигнута. На футболке и джинсах девушки появились темные влажные пятна.

– Я сейчас! Сейчас, сейчас!

Уронив банку под ноги, прямо на плиточный пол, не давая развиться возмущению девушки, бросив продавщице сто леев за сметану и хлеб, за шум и за погашенный на корню скандал, за лужи кока-колы на полу магазина, Нику вытолкнул девушку на улицу.

– Да отстань!

– Я все исправлю! Я сейчас!

– Сумасшедший!

– Я постираю!

– Что ты постираешь? Отстань, говорю!

– На вот.

Нику протягивал купюру в двести леев, думая о том, что дома осталось еще шестьсот, не больше.

– Что это? – отпрянула девушка, как от шатающихся по улицам миссионеров с их брошюрками о грядущем Спасении.

– Возмещение ущерба, – сказал Нику. – Не знаю, чем еще могу помочь.

– Да не надо мне, – она повернула голову и стала напоминать собаку, пытающуюся ухватить себя за хвост. – Может, и не испортится, надо быстро застирать.

– Говорю же, я постираю.

– Да мне тут, – она махнула рукой, – за этим домом.

– Мне все равно туда же. Давайте быстрее.

Он взял ее за локоть, решительно и по-деловому, и сам удивился, как неожиданно приходят убедительные жесты и почему-то всегда в безнадежных ситуациях. Нику чувствовал, что убедил ее: ничего, кроме тревоги за пятна на ее одежде, его не беспокоит, ничего, кроме вины в ее отношении, он не чувствует.

– Общежитие Академии наук? – спросил Нику, глядя на выцветшую вывеску под треснувшим стеклом.

Они стояли перед входом в пятиэтажный дом, котельцовый и без единого балкона – верный признак, отличающий общежитие от точно такого же котельцового жилого дома, которыми в Кишиневе застроены целые кварталы.

– Твои соседи академики? – и вправду случайно перешел на «ты» Нику, но девушку это не смутило.

– Академики? – удивилась она. – Кажется, тут и этих, аспирантов, человек пять. Почти все комнаты приватизированы, одну из них я снимаю.

– А-а.

Задрав голову, Нику вдруг спохватился и быстро сунул ей в ладонь двухсотлеевую купюру – у магазина она так и не позволила себе ее всучить.

– Да не надо, правда, – отпихивала она, но не купюру, оставшуюся в ладони, а руку Нику.

– Бери, бери, – сурово кивнул он. – Тебя как зовут?

Он видел, что контролирует ситуацию, и маленькая пауза, отделявшая его вопрос от ее ответа, если и участило его сердцебиение, то не без приятного чувства. Совсем как подзабытое им женское кокетство.

– Анжела.

– Меня Нику, – он пожал свою же купюру в ее протянутой ладони. – Ладно. Мне, наверное, идти надо.

– Спасибо, – она опустила глаза. – Мне сейчас очень деньги нужны.

Нику усмехнулся.

– Брось, просто я виноват, ну и все такое.

Они помолчали.

– С деньгами совсем беда, – вздохнула она. – Может надо что?

– Что? – не понял Нику.

Анжела пожала плечами.

– Я хорошая хозяйка. Готовлю – пальчики оближешь. Убрать, постирать – не проблема. С ребенком посидеть. Можем договориться, если что. Вообще, любой вариант, у меня с деньгами сейчас такая жопа.

– Анжела...

– Может, зайдешь? – кивнула она на обшажу. – У нас чисто, с соседкой два раза в неделю унитаза чистим. Она, кстати, тоже симпатичная и тоже не замужем.

Нику вдруг понял, что пятится назад, при том что девушка даже не пыталась наступать.

– На полчаса, а?

Она сделала шаг вперед, и это стало сигналом. Не стесняясь позора бегства, Нику развернулся и отбежал метров на десять. Остановившись, он увидел, что Анжела и не думает его преследовать.

– Извини! – крикнул он. – Я правда тороплюсь. Номер скажи.

– Двести шестой! – закричала она на весь двор.

– Я про телефон!

Ему пришлось вернуться к исходному пункту. Они стояли на относительно безопасном расстоянии, метрах в трех друг от друга, уставившись в мобильные телефоны. Мужчина и женщина, обменивающиеся надеждами на новую встречу.

– У меня и денег-то с собой больше нет, – виновато пожал он плечами, пряча телефон.

Она вытянула руку, показывая смятую двухсотлеевую купюру. Бывшую его купюру.

Возьми и приходи, когда будут.

Но Нику уже отступал, пятился назад, мотая головой и покачивая выставленными ладонями.

– Я позвоню, – бормотал он. – Я обязательно позвоню.

2. Анна

Права на законную любовь у Виктора больше не было. Само понятие права звучало теперь робко и выглядело неуместно, совсем как растерянный взгляд адвоката. В одежде Сергей Флейман был по-прежнему не к месту элегантен – на кой черт, в самом деле, заявляться в тюрьму в черных бархатных туфлях, в пятнистом шарфике поверх рыжего вельветового пиджака? Он думал, что излучает так необходимую подзащитному уверенность, Виктор же чувствовал, что начинает его ненавидеть.

– Возникли трудности, – сказал адвокат Флейман, доставая из вельветового кармана платок с вензельной буквой «Ф».

Внезапно он нервно расхохотался.

– Блядь, ну что за страна! – он промокнул платком лоб. – Выбить для подзащитного свидание с супругой – и то проблема!

Виктор Дьякону молчал. С того дня, как он был осужден, проблемы у адвоката Флеймана лишь множились. Жаль только, что все они были проблемами самого Виктора.

Мне же положено по закону, – сказал Виктор. – Вы же обещали.

Флейман покачал головой.

– По закону, – повторил он. – По закону вы не должны были очутиться здесь. Это-то надеюсь, понятно.

– Непонятно только, куда ушли все деньги, которые вы из меня вытянули.

Адвокат Флейман вздохнул. Тяжело и, пожалуй, оскорбленно.

– Я много раз говорил вам, – устало начал он, – что юридическая теория и, что особенно печально, практика в нашей стране крайне редко коррелируется с действительностью. Тем более, с такой виртуальной категорией как справедливость. По данному конкретному случаю спешу сообщить, что, – он раскрыл лежащую перед собой папку и поднял верхний лист, – одиннадцатого мая две тысячи тринадцатого года мной был составлен и направлен запрос на имя директора Пенитенциарного учреждения номер тринадцать муниципия Кишинева с просьбой назначить моему клиенту, Дьякону Виктору, одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения, отбывающему семилетний срок, бла-бла-бла, свидание длительностью до трех часов с законной супругой, Дьякону Анной, одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения на позднее одиннадцатого июня две тысячи тринадцатого года. Затребованное свидание является первым краткосрочным свиданием из предусмотренных законом Республики Молдова четырех свиданий в течение календарного года, истребованных осужденным Дьякону Виктором, срок наказания которого, включая срок предварительного заключения, ведет отсчет от одиннадцатого марта сего года. Ответ был получен, – он вынул следующий лист, – шестого июня сего года. Цитата. В ответ на ваш запрос, бла-бла-бла. Вот. Признавая законное право осужденного на свидание с членами семьи, администрация Пенитенциарного учреждения номер тринадцать сообщает о невозможности, в силу непреодолимых причин, организации свидания с супругой осужденного, Дьякону А., в отдельной, специально отведенной для подобных свиданий комнате и извещает, что комната для свиданий пришла в полную негодность в результате ее затопления, произошедшего седьмого декабря две тысячи двенадцатого года в результате аварийной ситуации в канализационной системе учреждения. Также администрация Пенитенциарного учреждения номер тринадцать информирует о невозможности, в связи с сокращением на сорок процентов на текущий год предусмотренных государственным бюджетом расходов на содержание пенитенциарных учреждений Республики Молдова, проведения ремонтно-восстановительных работ на всей территории учреждения, включая комнату для личных свиданий.

Он перевел дух и отложил в сторону еще один лист.

– Администрация Пенитенциарного учреждения номер тринадцать выражает свое сожаление в связи с невозможностью по непреодолимым причинам реализации права осужденного Дьякону В. на личное свидание с законной супругой Дьякону А., признавая такое требование полностью соответствующим законным правам осужденного. В случае изыскания дополнительных источников финансирования на проведение ремонтных работ в Пенитенциарном учреждении номер тринадцать, администрация берет на себя ответственность определить в качестве приоритетного участка таких работ комнату для личных свиданий и гарантирует осужденному Дьякону В. реализацию его законного права на личное свидание, в соответствии с действующим законодательством.

Замолчав, адвокат бросил взгляд на потолок, словно лишь теперь осознав, что вынужден распинаться в гнетущей обстановке Кишиневской тюрьмы. С осужденным Дьякону они сидели в полутемной комнате, предназначенной, как гласит закон, для общения с адвокатом. Без права использования администрацией тюрьмы фото- и видеосъемки, без применения звукозаписывающей аппаратуры.

– И что теперь? – спросил Виктор. – Я не смогу встречаться с женой?

Указательный палец Флеймана закачался как стрелка метронома.

– И нет и... нет. Администрация не говорит всей правды.

– Что, канализацию не прорывало?

– Канализация тут не при чем, – поморщился адвокат. – Если надо, они докажут, что сгорела тюремная столовая и отнесут это к непреодолимым обстоятельствам, препятствующим организованному питанию осужденных. Предоставят все необходимые справки, свидетельства и протоколы – пожалуйста, оспаривайте в суде. Я даже не хочу в это вникать, затопило помещение для свиданий или нет. Ваша проблема в том, что личные свидания в тюрьме проводятся и очень активно. Некоторые осужденные буквально неделями не вылезают со свиданий и не обязательно с собственными женами.

Поморщившись, Виктор потер виски.

– Я не понимаю, – сказал он.

– Да что ж непонятного? – расслабленно улыбался Флейман. – Некоторые камеры давно переделаны под люксовые апартаменты. Там все: евроремонт, отопление, душевые кабины, удобная мебель. Домашние кинотеатры и вай-фай. Двухспальные кровати и кожаные кресла. В общем, комфортные условия для тех, кто не мыслит себя без милых сердцу домашних удобств. Есть в тюрьме и зал с кетлеровскими тренажерами и ионизированным воздухом. Просто большинству заключенных – и, кстати, адвокатов, – не положено не просто бывать там, но и знать о существовании особых условий содержания.

Осужденный Дьякону поднял недоверчивый взгляд.

– Здесь? – указал он пальцем в стол, упираясь в него локтями. – Пентхаузы в этом гадюшнике?

– Такая страна, – сказал адвокат. – Все за деньги.

Виктор замолчал, задумчиво уставившись на папку адвоката.

– Сколько? – спросил он. – Сколько стоит свидание с женой?

Флейман подергал себя за шарфик.

– Деньги ни при чем, – сказал он. – Эти комнаты заняты на годы вперед. На долгие годы. Слишком серьезные статьи у людей, да и авторитет, скажем прямо, гм. Видимо, и камеры переделаны за их собственный счет. Бюджет на ремонт тюрьмы не предусмотрен – в этом администрация точно не соврала.

– Адвокат, – сказал Виктор, – вы же мой адвокат, не так ли?

– Что вы хотите этим сказать? – перестал поправлять шарф адвокат.

– Вы же, черт возьми, *мой* адвокат! Одно свидание, адвокат! Любые деньги!

– Да нереально, поймите же! – вскипел Флейман. – Блядь, вы даже не представляете, какие все бляди! Куда ни кинь! Одного моего клиента, блядь, закрывают просто так, на ровном месте! Вызывают в прокуратуру и арест на двадцать суток! И обвинение, блядь! Соккрытие налогов, отмывание денег! А сами! Он сидит, а его фирму банкротят! Вводят внешнее управление и дербанят, сука, активы! Выводят, блядь, в свои же офшоры! И ничего не сделаешь! И не доказать! Суд переносят! Раз за разом! То судья заболел, то, секретарша, блядь, в аварию попала! Ублюдки, а еще на реформу юстиции им девяносто миллионов выделили! Девяносто миллионов евро! И ведь опять все спиздят!

Раскрасневшийся и выведенный из себя, Флейман сидел перед Виктором в состоянии, в котором ни один адвокат не имеет права предстать перед клиентом.

– Чертова страна, – проскулил он, уже угасая.

– Адвокат, – сказал Дьякону. – Сколько вы из меня выжали денег?

– Выжал?

– Семь тысяч евро, – напомнил Виктор. – Вы уверяли, что этого будет достаточно, чтобы замять дело.

– Виктор, – он подвигал папку. Дрожащими, как показалось Виктору, руками, – ваши деньги – это мои риски. Которые, кстати, могут обойтись мне еще дороже.

– Семь тысяч, – решил не отступать Дьякону. – Это все, что нам с женой удалось получить с продажи автомобиля. Вообще-то продали за пять, еще две добавили. Только вот дело не удалось замять. Почему, адвокат?

– Не удалось, – успокоившись, обретал уверенность Флейман. – Обстоятельства оказались сильнее.

– Три тысячи евро, – поднял палец Виктор. – И это всего лишь за перевод под домашний арест. Состоялся ли этот хренов перевод?

– Нет, – сказал адвокат. – Вы сами знаете, как тогда...

– Вы уверяли, что мы все равно выиграем, что дело развалится в суде. У вас были все шансы, чтобы вытащить меня. Парень был в состоянии алкогольного опьянения, это было понятно даже слепому, по одному запаху. На месте была куча свидетелей, адвокат! К тому же он выскочил на проезжую часть там, где не должен был появиться. До ближайшего перехода тридцать один метр, разве нет? Что там еще? – Дьякону нахмурил лоб. – Да! Скорости я не превышал, с места происшествия не скрылся. Сам вызвал скорую и полицию и попытался оказать пострадавшему первую помощь. И что? И вот что, адвокат. Я здесь на семь ближайших лет. Из которых четыре – за неоказание помощи. Которая, адвокат, мною была оказана!

– За вас заступались большие люди.

– Какие, адвокат? Назовите хоть одно имя!

– Поверьте, – умиротворяюще поднял ладони Флейман, – я привлек весь свой ресурс, подключил всех знакомых профессионалов. Это, кстати, огромные расходы. Просто свести двух нужных людей для десяти минут разговора – знаете, сколько это стоит? Кто же знал, что усилий начальника отдела дорожной полиции города будет недостаточно? Мог ли я предположить, что владелец сахарного завода, сети пекарен и трех ресторанов упрется в это дело всеми своими рогами? Чтоб они у него на жопе выросли, – буркнул он. – Я, кстати, недавно узнал: у этого Кондри еще интересы и в нефтяном бизнесе. Пакет акций в...

– Вы не верите в мою апелляцию? – перебил Виктор. – Вы же сами настояли на ней!

– И правильно сделал! И буду верить до конца! Но я адвокат, и я реалист. И то, что ваша жизнь в заключении может быть не безопасной, для меня так же очевидно, как и то, что скорбящий папаша-миллионер сделает все, чтобы отомстить за сбитого вами сына. Думаю, он даже постарается, чтобы вы не вышли из тюрьмы живым.

Он вздрогнул и моргнул – от кулака Виктора, внезапно и резко опустившегося на стол.

– Вы ничем мне не помогли. Ничем, адвокат. Только обобрали до нитки и оставили без денег и со всем этим дерьмом мою супругу. Вы... вы просто прохвост, Флейман.

– Успокойтесь, Виктор, – великодушно сказал адвокат. – Ничего еще не потеряно. Дойдем и до Верховного суда. Надо будет – и до Европейского суда по правам человека. Да, процесс может затянуться на годы, но если не отступить, все равно победим. Слышали, наверное, что Молдавия – абсолютный рекордсмен по проигранным в Европейском суде процессам своим же собственным гражданам? Еще получите в качестве компенсации пятнадцатую сумму в евро, вот увидите. Как раз к выходу. И с женой вашей что-то придумаем. Знаете что? – он огляделся. – А давай-те как я попробую договориться с дежурным. К начальнику тюрьмы идти – верный отлуп, а с этими, с их-то зарплатами, а? Ну, чтобы вместо свиданий со мной – они все равно обязаны их предоставлять вам по первому требованию, – вместо меня приходила ваша супруга. А? Кровать, конечно, не разрешат поставить, но на столе даже романтичней.

– Что? – вскочил Виктор.

Одной левой он смахнул со стола адвокатскую папку. Пару листков еще пикировали в воздухе, когда в двери нервно загромыхал замок. Крик осужденного был услышан и не должен был остаться без внимания.

– Ну-ну, – улыбался Флейман, подбирая с пола бумаги.

– Пошел вон, – выдал из себя Виктор, сжимая кулаки перед вбежавшим в камеру охранником. – Вы уволены!

3. Адриан

– Вам понравилось? – спросил Адриан. Разумеется, на итальянском.

– *Magnificamente*¹! – только и выдохнул Дино Лаццари.

В Молдавии он находился уже третьи сутки, и третий день его восторгу не было предела. А ведь правда – сомневался, когда Фабио Квести, такой же, как Дино туринский таксист, посоветовал ему отправиться в Кишинев, где, по заверениям Фабио, живут вполне приличные и главное, самые недорогие дантисты во всей Европе.

– Отдашь тысячу евро, это в худшем случае, – говорил Фабио Квести. – Зато приведешь в порядок весь рот. Не то что наши, охреневшие рвачи – за штуку и на клык не дадут.

Они посмеялись, но тот разговор Дино не воспринял всерьез. Лететь в Молдавию, где умеют лишь говно подтирать и проститутничать – а за другим молдавине, попадавшие на глаза ежедневно в любом уголке Турина, в Италию и не ехали, – идея, казавшаяся ему по крайней мере сомнительной.

Решился Дино через неделю, когда от боли в зубе он не то что не спал – на ногах держался из последних сил. Он взял билет на ближайший рейс в Кишинев и в самолете думал о том, как, должно быть часто приходится молдавским стюардессам, больше почему-то похожим на русских моделей, видеть на борту мрачных итальянцев, постанывающих от невыносимой боли в зубах. Улетая, Дино выпросил у Фабио визитку клиники, специализировавшейся, по словам последнего, исключительно на итальянских туристах.

– Даже медсестра шпарит на нашем, представляешь? – делился впечатлениями Фабио, не забывший добавить, чтобы Дино обязательно смотался в Старый Оргеев.

– Молдавское Мачу Пикчу, – подмигнул Фабио, от которого Дино узнал, что рестораны и гостиницы в Кишиневе не менее качественные и доступные, чем стоматологические услуги.

Но первым делом Дино отправился в пункт аренды автомобилей. Его встретил приветливый парень, высокий и, несмотря на молодость, уже лысоватый, и Дино даже не удивился, когда парень заговорил с ним на итальянском, без ошибок и с едва уловимым акцентом.

– Адриано? – переспросил Дино.

– А-дри-ан, – повторно представился парень, – хотя можно Адриано. Мы же братские народы. Когда-то ваши предки активно завоевывали наших.

Машину Дино выбрал непретензиозную. «Хюндай Акцент» цвета металлик, на которую к тому же был наименьший тариф – тридцать два евро в сутки. Были и премиум варианты, от семидесяти евро в сутки, но, черт возьми, для чего еще стоило соваться в такую дыру, как не с целью сэкономить?

Быстро перечислив условия аренды – Дино усмехнулся, услышав, что не может использовать автотранспорт в качестве такси, – Адриан вернул итальянцу его экземпляр подписанного договора и попросил еще минуту внимания.

– Старайтесь не парковаться в неположенных местах, – советовал Адриан. – Машину, скорее всего, никто не эвакуирует и вряд ли даже снимут номера. Но! – он поднял указательный палец. – У ресторанов и гостиниц всегда есть собственные стоянки, а на стоянках обычно приглядывают за машинами охранники. Не хотелось бы, чтобы автомобиль повредили злоумышленники или случайный проезжающий автомобиль с неосторожным водителем.

Улыбаясь, Дино Лаццари послушно кивнул, и Адриан наградил его еще несколькими полезными советами.

– Старайтесь не гулять по городу пешком в ночное время, даже в центре, – сказал он и добавил, – особенно в центре. И, кстати, в ночное время суток лучше не передвигаться между

¹ Великолепно – итал.

населенными пунктами даже на автомобиле. Особенно на автомобиле. В пригородах Кишинева орудует маньяк, но это, как говорится, полбеда. Плохие дороги и отсутствие не то что освещения, даже разметки – вот что пострашнее маньяка. В общем, внимательность приветствуется. Постарайтесь вернуть машину в целости и сохранности – в конце концов, у нас с вами контракт.

В одной руке парень поднял лист с подписью Дино, другой же протянул тому буклет с молдавским трехцветным флагом на обложке.

– Маленький презент, – сказал Адриан, – путеводитель по Молдавии. Самые живописные места, наиболее значимые памятники истории и архитектуры. Наслаждайтесь! И помните – в вашей машине установлен навигатор с обновленными электронными картами.

– Прекрасно! Неподражаемо! Невероятно!

Дино Лаццари складывал ладони, щелкал пальцами, потрясал руками – делал все, что должен делать уважающий себя итальянец в состоянии близкого к экстатическому восхищения.

– Рад, что вам понравилась Молдавия, – кивнул Адриан спустя трое суток. Он сидел перед автомобилем на корточках и рассматривал бампер.

Предстояла еще одна процедура, последняя формальность перед расставанием с клиентом. Внешний осмотр автомобиля с целью выявления возможных повреждений.

– Страна нетронутой природы! – сыпал комплиментами Лаццари. – А какие врачи! Мама мия, какие прекрасные дантисты!

– Самые лучшие, – прокричал Адриан, на корточках проползая вдоль кормы «Акцента».

– А кухня! – не унимался итальянец. – Ма-ма ли-га! Пля-чин-тя кю брин-за! – выдал он названия местных блюд.

– Очень вкусно! – подтвердил по-итальянски Адриан и вдруг присвистнул. – Cavoli², блядь!

– Что? – застыл с открытым ртом Дино.

Голова Адриана плавно поднялась над автомобилем.

– Проблема, сеньор, – пробормотал он. – У вас царапина. У нас с вами царапина.

Спустя пять минут они сидели на заднем сиденье машины, с которой Дино Лаццари уже было попрощался. По крайней мере, до будущего приезда в так полюбившуюся ему Молдавию.

– Большая проблема, сеньор, – говорил Адриан. – Царапина, к сожалению, глубокая и длинная, больше метра. Простой полировкой не обойтись, сеньор.

– Не понимаю, как это получилось, – бормотал Дино. – Я делал все, как вы сказали. Оставлял машину только на стоянках, ночью спал, во всем слушался навигатора.

– Скорее всего, это бордюр, – сказал Адриан.

– Borduro? – поднял брови Лаццари.

– Граница, – провел в воздухе пальцем черту Адриан. – Граница между тротуаром и проезжей частью.

– А, cordolo! – обрадовался Лаццари, словно найденное слово решало все его проблемы.

– Si, seniore! – подтвердил Адриан. – Недостатки городского строительства. Ужасные дороги, несоблюдение нужной высоты бордюра, то есть, cordolo. Вот вам и царапина под дверью. К сожалению, в нашем с вами контракте не прописана ответственность городской администрации.

– Я понимаю, – пролепетал Дино. – Что я должен делать?

– Вам не о чем беспокоиться. Мы сами отвезем машину в специализированный автосервис. Кстати, на нее еще два года действует заводская гарантия. На сервисе проведут экспертизу повреждения, это займет максимум день. Определят сумму ущерба, выпишут счет на оплату.

² Ни хрена себе – итал.

Наша компания заключит с вами дополнительное соглашение, предусмотренное базовым контрактом в случае, если единица автотранспорта возвращается клиентом в ненадлежащем виде. В соответствии с этим соглашением, наша компания должна будет оплатить ремонт автомобиля, вы же должны будете рассчитаться не с автосервисом, а с нашей компанией. Вы сможете это сделать и из дома, вернувшись в Италию, воспользовавшись вашей банковской карточкой. Но есть проблема: если вы затянете с платежом, нам придется прибегнуть к юридическим мерам, а это, как сами понимаете, совсем другой уровень ответственности. Так что я бы вам рекомендовал, исходя из опыта подобных случаев, задержаться еще на двое суток в Кишиневе, чтобы решить все вопросы легально и на месте.

– Но это невозможно, – заерзал в кресле Дино Лаццари. – У меня самолет в Турин через пять часов.

Адриан хлопнул себя по бедрам.

– Тогда я не знаю, – сказал он.

– Скажите, – робко начал Лаццари, поняв, что молчание не решает проблемы, – а сколько такой ремонт может стоить?

– Я не специалист по царапинам, – пожал плечами Адриан. – Но по опыту и учитывая то, что ремонт производится силами авторизованного центра и в сжатые сроки, думаю, вся эта история обойдется вам, – он прищурился, будто вспоминая масштаб повреждений, – в пятьсот-семьсот евро. Не больше, это точно, – спешно добавил в ответ на отчаяние во взгляде итальянца.

– Как дорого, – сказал Дино скрипучим голосом и с ужасом понял, что у него снова заныл зуб.

– Так что? Сможете поменять билет?

– Может, есть возможность решить вопрос более оперативно и не так затратно?

Адриан тяжело вздохнул.

– Вы разбиваете мне сердце, – сказал он, грустно глядя в окно.

– Я вас очень прошу, – прошептал гражданин Италии и его глаза повлажнели. – Никто ничего не узнает, клянусь здоровьем мамы и трех дочерей.

Адриан снова вздохнул.

– Это незаконно, вы понимаете? – спросил он, глядя в глаза Лаццари.

– Очень прошу, – молитвенно сложил руки Дино.

– Мне придется пойти на нарушение. Скрыть повреждение, договариваться с автоцентром.

– Я вас никогда не забуду.

– Вот возьмут и уволят из-за вас.

– Буду молиться за ваше здоровье, клянусь.

– А, ладно, – махнул рукой, будто плюнув на все, Адриан. – Давайте деньги.

– Да благословит вас Господь! – суетливо полез в карман Дино Лаццари.

– Сто евро. И уходите поскорее, мне машину отогнать надо.

– Все понял. Спасибо, добрый человек! Да благосло...

– Быстрее, быстрее! – торопил Адриан, пересаживаясь за руль.

Он еще видел итальянца, ссутулившегося, благодарно кивающего и озирающегося по сторонам, пока сдавал задним ходом. Переключившись в первую передачу, Адриан понял, что никого, кроме обычных прохожих, проходящих мимо напоминающего большой киоск его рабочего офиса, на улице нет.

Итальянец исчез навсегда.

4. Анна

Она обещала себе не плакать, ей хватило слез за этот месяц. Месяц без его глаз напротив и каких-то три телефонных разговора, и все ради чего? Чтобы смотреть ему в глаза через мелкую решетку?

Анна уже свыклась с тем, что вынуждена жить страхом, надеждой, отчаянием и снова страхом. Никак не могла привыкнуть лишь к этому – к его глазам за мелкой решеткой. Может, она сама накликала беду, с самого начала решив, что ничем хорошим это не может закончиться?

Она держалась и срывалась в слезы – последнее исключительно в одиночку. Забывала себя работой, только бы не прочесть в глазах сослуживцев сочувствие, лишь бы не расчесывать зуд воспоминаний о том самом дне, когда ее муж сбил насмерть человека. Держалась Анна даже при адвокате, в последнее время – особенно при адвокате.

Сергея Флеймана она нашла по Интернету, адрес его адвокатского бюро высветился первым в поисковике. Анна не искала рекомендаций, ее тревожили разговоры, перешептывания за спиной, сочувствия и, кто знает, не злорадство ли? В конце концов, это ведь был несчастный случай, ведь правда?

– Уверен, все разрешится, – сказал ей адвокат Флейман при знакомстве. Лучшего она и не ожидала услышать.

Теперь он приходил, пожалуй, слишком часто, по два раза в неделю, и недавно Анна даже поймала себя на том, что думает о нем, как о члене семьи. Он все чаще уходил от нее с деньгами, и обдавая ее ветерком от хлопнувшей за собой двери, адвокат Флейман все сильнее раздувал в ее душе уголек надежды. Оставшись одна, Анна сворачивалась в клубок на диване, куталась в плед, плакала и улыбалась сквозь слезы, вспоминая, что адвокат ушел не с пустыми руками, ручаясь, что никому не позволит загасить тлеющей внутри нее огонек.

Срок предварительного заключения Виктору продлевали трижды, а единственное, что помнила Анна после суда и семи лет приговора, были руки Флеймана, которыми он взмахивал как крыльями.

– Беспрецедентный беспредел! – чуть ли не прокричал он ей в лицо. – Четыре из семи – за неоказание помощи?

– Но Витя пытался помочь, – борясь с комком в горле, сказала Анна, но адвокат лишь снова всплеснул руками.

В последний раз Флейман попросил денег, которых у нее не оказалось. Он, правда и не предоставил обычного объяснения, а на ее вопрос, что за проблему на этот раз попытается решить за ее деньги, непривычно замялся. Сознался он лишь после того, как она проявила настойчивость – видимо, также из-за ее необычности.

– Что? – возмутилась Анна, услышав правду. – Послушайте, но это личное. Кто вам дал право лезть в мои отношения с мужем?

– Меня попросил ваш муж. И, кстати, полезли совсем другие люди и с совсем другой целью – прервать ваши отношения.

Взгляд Анны излучал тревогу и недоверие.

– Но они не имеют права, – сказала она. – Нам же положено по закону. Вы сами говорили. Садитесь, что же вы.

Присесть Анна предложила Флейману уже в третий раз. Адвокат лишь помотал головой – он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку.

– Я сделал все, что мог, – сказал он. – Может, у другого специалиста что-нибудь получится?

– У какого еще специалиста? – с замиранием сердца спросила Анна.

– Ах, да, – наморщил лоб Флейман. – Вам, видимо, придется искать другого адвоката. Если хотите, могу порекомендовать пару коллег. Крепкие профессионалы, ничего не могу ска...

– Какие коллеги, Сергей? Вы что, нас бросаете?

Он сделал шаг навстречу ей.

– Это не я вас бросаю. Ваш муж, – веско сказал он, – это он дал отвод моей кандидатуре.

– Дал отвод?

– Попросту говоря, уволил. Что поделаться, имеет полное право. Клиент всегда прав.

– Погодите, постойте! – засуетилась Анна. – Здесь какая-то ошибка. Мне надо поговорить с ним.

– Поговорить, конечно, сможете. На следующем свидании. Правда, не знаю, что это изменит. Начиная с завтрашнего дня я официально не являюсь его защитником. И не уверен, что возьмусь за этого клиента снова, даже если вы в чем-то сможете его убедить. Даже другие условия вряд ли привлекут меня.

– Мы же вам столько заплатили! – Анна была в отчаянии, Флейман же выглядел внезапно заскучавшим.

– Сегодня до вечера я предоставлю вам подробный отчет за весь период работы, – сухо заметил он. – В том числе о расходах.

С уходом адвоката в ее квартире поселилась ночь. По утрам Анна не распахивала штор, не включала телевизор, ужинала в полумраке и сразу ложилась спать. Сон не приходил, и тогда она плакала, промокала глаза подушкой, переворачивала ее, снова пыталась заснуть, плакала и снова переворачивала подушку уже подсохшей стороной вверх. Она стала бояться смерти. Его смерти и, пожалуй, впервые за девять лет брака. Даже когда стало ясно, что без помощи медицины детей им не завести и врачи сказали, что проверяться нужно им обоим – даже тогда возможный недуг Виктора не пугал ее. Хотя нет, бояться за жизнь мужа она стала раньше. В тот самый день, когда они приобрели эту чертову «Тойоту».

Автомобиль был неотразим. Серебристая «Тойота Авенсис» с ничтожным для пятилетнего автомобиля пробегом в сорок две тысячи. Пятиместный седан с огромным багажником – так, решила Анна, и должен выглядеть настоящий семейный автомобиль. Смущала лишь царапина на дверце, правда внизу, почти у днища, и то, смущала она одного лишь Виктора. Анна была счастлива. Настолько, что когда муж завел мотор, она не удержалась от восторженного вопля. Было ясно: в их доме поселилась Фортуна. Отдать девять тысяч евро за находящуюся в идеальном состоянии машину – не просто разумный выбор, но и счастливый случай.

Вопли радости Анна издавала все время, пока они совершали круг почета. Из двора спустились по улице Сахарова на Рышкану, потом, вдоль сквера Бориса Главана поднимались до верхней границы Рышкановского пруда, выехали на улицу Димо, чтобы влиться в одностроннее движение, которое их снова привело на улицу Сахарова. Когда же Виктор высадил ее и уехал один – в супермаркет, за продуктами, – она едва не сошла с ума. С того дня она всегда засекала время, которое он был в пути. Уезжал ли из дома, или звонил, предупреждая, что выезжает с работу, и стоило ему выйти за рамки привычного расписания хотя бы на минуту, она впадала в панику и начинала ему названивать, пока он не отвечал.

Узнав, что муж сбил человека, Анна решила, что это нелепость и неуместная телефонная шутка. Звонил сам Виктор, жену назвал по имени, но на внезапные звонки в наше время не склонны полагаться даже самые доверчивые из женщин. Он решил над ней подшутить, грубо, несмешно, голосом, в котором звучала скорее усталость, чем паническая озабоченность. Положив трубку, Анна просидела еще минут пять, словно ожидая звонка с опровержением. Потом вскочила и в одном халате выбежала на улицу, где едва не попала под колеса такси, того самого, в котором добралась до места происшествия. В халате и, как оказалось, без денег.

Она плакала, она была счастлива. Она гладила бледные щеки Виктора, склонившись над ним, бессильно опустившимся на водительское кресло. Завороженно, как на чудо, смотрела на его левую ступню – он выставил ее на асфальт, – и до конца не могла поверить, что на нем не было ни одной царапины. Виктор был жив – желала ли Анна большего чуда?

Все вокруг мужа казалось картонным, даже вид крови на бордюре не испугал ее. Тела жертвы Анна не успела застать, его отвезли еще до ее приезда. Все выглядело слишком нелепым, чтобы быть правдой. И то, что парень выскочил на проезжую часть прямо из преисподней ночного клуба, и то, что попал именно под их «Тойоту». И, само собой, то, что он, видимо, был дьявольски пьян и может быть даже обкурен.

Многие были пьяны: свидетели происшествия, они толпились на тротуаре. Их опрашивали полицейские, что-то записывали, узнавали имена и телефоны. Анна видела все это и не могла понять, снимают ли полицейские показания или собираются привлечь выпившую молодежь за разгуливание в нетрезвом виде.

Она даже пару раз улыбнулась, словно говоря мужу: не переживай, все не так плохо, главное, что ты жив. Мир вокруг был картонным, все было слишком надуманным и плоским в сравнении с главным. С тем, что Виктор был рядом с ней, он дышал и даже пытался что-то объяснить.

– Тсс, – приложила она палец к его бледным губам, – Не напрягайся. Тебе надо отдохнуть.

В покое их, однако, не оставили. Настойчиво попросили не уезжать из города, не отключать телефоны и при первой необходимости явиться в полицию.

Необходимость возникла уже на следующий день, с самого утра. Виктор принимал душ, когда Анна увидела в глазке трех мужчин и корочку сотрудника полиции, которой один из них загородил головы остальных двух.

Муж был жив, и даже после ареста она не сомневалась: все это лишь иллюзия, картонные фигуры, загораживающие им горизонт настоящей жизни. Даже отец жертвы, крупный бизнесмен Кондря – финансист, как поговаривали, одной из парламентских партий, был для нее каким-то небожителем с Олимпа: могущественным, но невидимым и абсолютно нестрашным. Еще немного и туман рассеется, и все будет как прежде, уверяла она себя. Пусть и с его странными планами, которые Виктор ведь все равно строил ради нее – так имела ли она право рассуждать по поводу их сомнительности?

Она даже обрадовалась, когда поняла, что машину придется продать – так посоветовал адвокат, да и никакого другого источника денег, затребованных им за оправдательный приговор, у Анна не было. На ее счастье, покупатель на «Тойоту» нашелся уже через неделю, и снова не без помощи адвоката. Она искренне радовалась – как деньгам, которые она держала в руках не более часа, перед тем как отдать их адвокату, так и тому, что с ее сердца свалился камень, давивший каждый раз, как только Виктор поворачивал ключ в замке зажигания. Даже когда мужа посадили – с правом обжалования, но на семь лет, – у Анны все равно начинало колотиться надеждой сердце, стоило ей увидеть на экране телефона номер адвоката Флеймана. Ей и в голову не приходило винить его, она стала задумываться о своей вине.

Угасание его желания – не было ли этой расплатой за ее прежний огонь? Да и потух ли он совсем, тот огонь, о котором Анна только и могла думать, еще до свадьбы представляя себе будущее их семейной жизни? Теперь она и не вспоминала о чувствах. Ее лоб покрывался испариной, а внутри пробегал холодок, стоило ей представить себя в его шкуре, попытаться испытать, что думает он о ней там, в камере на восьмерых, видя ее в знакомой квартире – одинокую, кипящую внутри женщину.

Даже в отсутствии детей Анна теперь была склонна винить своего дьявола, впервые заговорившего с ней в двенадцать лет. Она хорошо помнила тот день и те пахнувшие нарциссами клумбы центрального парка, где ее впервые посадили не лошадь, сильного каурого жеребца с так поразившей ее своей пышностью гривой. Падать с лошади она начала в самый неподхо-

дящий момент, когда пыталась выковырять из глаза залетевшую мошку и, кто знает, не влетела ли другая мошка в глаз лошади, из-за чего та и встала на дыбы, сбрасывая с себя отпущившую вожжи двенадцатилетнюю Анечку. Ее успели подхватить – чьи-то крепкие мужские руки, чьи-то, но не отцовские, держали ее, выпавшую из седла, прижимали ее попкой к телу лошади, к ее горячему, пульсирующему боку и первое, что Аня увидела, оказавшись босоножками на земле, был он. Ярко-красный бутон между задних ног лошади, он проклевывался из мохнатого отростка, похожего на одетые в мех ручки на велосипеде дяди Коли, вечно одетого в майку соседа. Велосипед он часто оставлял у подъезда, приковывал его цепью к чистилке для обуви, и это охранительное священнодействие магически действовало на Аню: ей страшно хотелось потрогать эти мохнатые наконечники на руле, но она позволяла себе лишь садиться на лавочку и не сводить с них глаз – до самого вечера, когда дядя Коля, пошатываясь и воняя прокисшим виноградом, не выходил из подъезда, чтобы загнать велосипед в сарай.

Ее рано стали притягивать бутоны, у нее кружилась голова при виде мохнатости, наползающей на шею из-под воротника. Такие мужчины могли с ней даже не заговаривать, Анна и так бы пошла за ними на край света. Виктору Дьякону было суждено стать для нее идеальным мужчиной: при их знакомстве он был в футболке с вырезом на груди, а на первом же свидании подарил розу, ярко-алую, в плотном продолговатом бутоне.

Их первые месяцы вместе были временем безумия, от которого Анна очнулась, как от паров нашатыря, выслушав приговор доктора: только новое обследование и только в хорошей клинике. Клинику доктор выбрал сам и даже поехал вместе с Анной и Виктором в Киев, куда им пришлось ездить еще дважды и где, кроме уймы дорогих анализов и не менее дорогостоящих консультаций, их ждал еще один вердикт: только искусственное оплодотворение. В противном случае им грозила бездетная старость.

На процедуру денег уже не осталось, и Виктор попросил паузу. Года в два, не больше, уточнил он, будто с годами Анна будет лишь расцветать, наливаясь природным нектаром. Тогда же она узнала подробности о планах супруга.

– Это будет собственный бизнес, – сказал он. – Шелкография. Элитный бизнес будущего.

Анна мало что понимала в полиграфии, а от работы мужа на Кишиневском полиграфкомбинате ей доставались пахнувшей краской вещи и головная боль из-за его скромной зарплаты. Про шелкографию Виктор говорил и раньше: кажется, это такой ручной метод печати, который теперь легко заменяли высокие печатные технологии.

– Понимаешь, – решил он объяснить жене изменения собственного мнения, – шелкография – это как виниловые пластинки. Помнишь, как все радовались, когда вместо них стали клепать компакт-диски? – Анна пожала плечами. – Нет, правда же. Виниловый диск легко повредить. Одна царапина – и все, иголка скачет по пластинке. Виниловый диск огромен, неудобен. Я знал человека, который в магазин «Мелодия» ходил с дипломатом – идеальным, кстати, футляром для безопасной транспортировки винила. А сейчас что? Уже и компакт-диски не нужны, все есть в интернете. И что же? Винил опять в моде, да еще в какой! Фанаты чистого звука в восторге: оказывается, ни на одном носителе нет такого естественного и органичного звучания. Попробуй купить виниловый диск – знаешь, каких денег он стоит? Знаешь, зачем «звезды» снова стали выпускать альбомы на виниле? – Анна снова пожала плечами, теперь с улыбкой. – Не потому, что хотят потрогать особо фанатичным ценителям, точнее – не только потому. От пятидесяти евро – вот сколько сегодня стоит виниловая пластинка. При Союзе стоила два рубля пятьдесят копеек в обычном конверте и три рубля – в ламинированном. Ну да, и до пяти рублей – это если исполнитель – иностранец, вроде Бони Эм или Джанни Моранди. С шелкографией происходит та же история.

Обычно муж был молчалив и хотя бы поэтому сейчас его стоило слушать с интересом. И, надеялась Анна, с доверием.

– Конечно, шелкография – исчезающий жанр, – продолжал Виктор. – Но такой же исчезающий, как пластинки на виниле. Кто их покупает? Те, кто разбираются в настоящем звучании. Кому нужны будут полиграфические изделия, изготовленные методом шелкографии? Совсем скоро – никому. За редким исключением. Но это исключение готово платить за шелкографические работы столько, сколько они никогда не стоили. Десять леев за визитку вместо одного лея, триста леев за буклет вместо тридцати. Продавать надо дорого, а не много – так считают все прогрессивные бизнесмены. А шелкография после исчезновения массовой шелкографии – это уже хэнд-мейд. Ручная работа, престижные полиграфические материалы, изготавливаемые вручную. Сделанное как бы специально для тебя, как костюм у первоклассного римского портного, который все равно выйдет дороже, чем даже костюм от Хьюго Босса. Просто потому, что в Хьюго Боссе ходят еще тысячи людей по всему миру, а в пошитом лично для тебя костюме – лишь ты один. Индивидуальность, за которую не жалко переплатить, понимаешь?

И Анна старалась все понимать. И когда он купил шелкографское оборудование, ручной трафаретный стол, который пришлось собирать заново – он был такой старый, что не выдержал перевозки и развалился. Понимала она и трудности, разумеется временные и то, что поиск элитных клиентов – дело небыстрое и тут нужен ручной подход. Совсем как в мастерстве шелкографии.

Даже когда Виктор объявил о том, что платить за арендованный под занятие шелкографией подвал он больше не в состоянии, что станок окончательно рассыпался, а элитные клиенты, ценящие преимущества ручной печати, для Кишинева – несбыточная мечта, Анне все еще хватало понимания. В конце концов, без работы Виктор не остался – устроился шелкографом в издательство «Маклер» и те пятьсот евро, которые ему пообещали там, даже позволили ей облегченно вздохнуть: бизнес супруга все больше напоминал черную дыру, такую же бездонную, как расходы на бензин и медицинские обследования.

Внешне Виктор не менялся. Тот же бегающий неуловимый взгляд, та же немногословность и точно такая же, несмотря годы брака, дьявольская, может, из-за вздернутых бровей, привлекательность. И все же он угасал, плавился как свеча, и по ночам Анна все чаще убеждалась в верности своих догадок.

Страстный мужчина, покоровивший ее напором и нежностью, – она не решалась делиться такими признаниями даже с самыми молчаливыми женщинами, – Виктор все реже проявлял к ней интерес и ее пугало то, что она чувствовала. То, что кроме нее у него больше никого нет. Иногда она еле сдерживалась, чтобы не признаться мужу в том, как она обожает его член – его запах, его напряженную дугу, его послушание и неповиновение. Член всегда казался ей слишком нежным, она боялась, что может повредить его одним неверным движением, и все равно безнадежно теряла голову и ускорялась, и прижимала мужа к себе, чувствуя внутри себя боль и сладость, выше которых в эти минуты не было самых больших загадок Вселенной.

Теперь по ночам она все чаще дышала ему в спину, пытаясь разглядеть в темноте затылок, и за все корила себя. За бездетность, за свой страх за него и даже за их общее безденежье. Жизнь все больше походила на сон, чужой и повторяющийся из ночи в ночь. Разбудить ее теперь был способен лишь страх, ее боязнь за человека за рулем, но Виктора, похоже, не заботило даже это ее переживание. Он был слишком спокоен в зале суда, и у Анны даже мелькнула мысль, что семь лет в тюрьме для мужа – еще одна желанная пауза, во время которой он рассчитывал разложить жизнь по нужным полочкам.

Что это скорее конец надежд, чем начало новой жизни, до нее дошло не сразу. Хватило недели без адвоката Флеймана, которого и не думал возвращать Виктор, хотя и попросить об этом мужа у Анны за эту неделю не было возможности. Дела вообще обстояли хуже некуда. Им не давали свидания, и Анна чувствовала, что сдается: незаменимость Флеймана теперь была очевидна хотя бы в том, что он мог добиться для нее общения с мужем, пусть и через зарешеченное окно, больше похожее на особо охраняемую сберкассу.

Анна даже позволила себе непозволительное. Подала шефу кофе вместо чая и начисто забыла о назначенной в офисе встрече с важным клиентом.

Неудивительно, что шеф обратил на нее внимание.

Виталий Боршевич был мало известен в Молдавии и неплохо ценим в Европе и даже за океаном. Нет, всемирная популярность ему не грозила, но частные лица и коммерческие компании из более чем тридцати стран мира, как утверждалось в презентации компании «Унидата», предпочитали фирму Боршевича благодаря нескольким выгодным предложениям. Разумной цене, качественному программному обеспечению и способности сотрудников работать по двадцать часов в сутки, за что в странах западнее Молдавии бизнесмен Боршевич давно бы разорился в связи с гигантскими штрафами за грубейшие нарушения трудового законодательства. На родине Виталию такие неприятности не грозили, но работать он все равно предпочитал с иностранными заказчиками: местные не считали правильным платить за программы и того, что для иностранцев было почти подарком.

Так уж случилось: Виталий Боршевич стал первым человеком, который увидел, как Анна плачет из-за мужа. Он был в курсе всей истории, и если не с самого начала, то по меньшей мере не первый день, но такую секретаршу, рассеянную до странности, ему еще не приходилось видеть. Может, поэтому он и не привык обращать на нее внимания?

Он сразу же вызвался помочь и, не откладывая, достал из кошелька три тысячи леев.

– Безвозмездно и на первое время, – сказал Боршевич, протягивая Анне купюры.

Она отнекивалась, но потом, вспомнив о том, что это две трети ее зарплаты, деньги все же взяла. Сжала их в кулаке и расплакалась – впервые на людях, вызвав у шефа новый прилив сочувствия. Он повез ее на обед, в дорогой и претензиозный ресторан «Кактус», и пока в голове Анны бурлило варево из неясных, но все равно тревожных мыслей, она лишь в ресторане сообразила, что со стороны его приглашение может выглядеть жестом, далеким от сочувствия.

Так уж вышло – они впервые обедали вдвоем, за все пять лет, которые Анна выполняла поручения Боршевича, связанные с обычной секретарской долей. Все, кроме одного, служащего извечным поводом для анекдотичных историй и завистливо-презрительных взглядов. Иногда она удивлялась: неужели она настолько антипатична директору, что он обходит ее стороной, предпочитая ей женщин, которых он без раздумий назначал во главе целых департаментов?

Не будь «Унидата» столь закрытой для местного мира сплетен и пересудов компаний, ее кадровая политика наверняка вошла бы в анналы молдавского корпоративного менеджмента. Делавшие для фирмы деньги программисты были сплошь мужчинами, над которыми, однако шефствовали одни лишь женщины. Директор по маркетингу, директор по клиентам, заместитель директора по клиентам, три старших менеджера, а также главный бухгалтер – все они были особами прекрасного, во всех отношениях пола. Анна, скорее, могла себя отнести к мужской части коллектива, хотя и с полным правом могла поспорить в категории привлекательности. Не было в ее арсенале других преимуществ – высокой должности, большой зарплаты и, главное, внимания шефа. С ними Боршевич часто обедал и как раз в «Кактусе» – обычно с одной, но бывало, что и сразу с двумя и всегда это означало одно. То, что окончание дня и, возможно, ночь шеф и его ресторанный собеседница (одна или больше) проведут уж точно не на рабочем месте.

– Семь лет? – переспросил Боршевич. – Многовато, конечно. Похоже, по полной дали.

Остаток обеда он косился на Анну, словно сообразил, что кормит за свой счет сообщницу особо опасного преступника. Анна и сама чувствовала себя хуже не придумаешь, спина ломилась от напряжения, а луковый суп и панакота вместо предполагаемого наслаждения отзывались лишь нервным бурчанием в животе. Она так и поняла: Боршевич всего лишь решил ее

накормить – тоже из жалости и также, по-видимому, безвозмездно. Розовая благотворительность, не стоившая ее слез. Еще один урок из курса интенсивного индивидуального обучения, на которую Анну, похоже, всерьез вознамерилась перевести жизнь.

После ресторана Боршевич провел остаток дня на работе, был мрачен и избегал посетителей. Анне же пришлось избегать взглядов женского директората, члены которого сразу встретили ее поджатыми губами и сдержанными просьбами, которые как никогда походили на приказы. «Боршевич? Забудь, детка, он сделает все, чего захочем мы», читала она на этих стержневых лицах и лишь сильнее склонялась к монитору компьютера. Впрочем, она готова была потерпеть и это и вообще все за хорошую новость.

Ей наконец-то разрешили встретиться с мужем.

– О чем мы будем говорить? О чем говорить целые семь лет?

Это был неожиданный поворот. Анна молчала, не веря своим ушам. Хотя чего еще можно было ожидать, если за десять минут разговора с супругом она пять раз поинтересовалась, не голодает ли он. Виктор был спокоен, это было заметно даже через разделявшую их решетку, и он был прав: Анна никак не могла придумать, о чем бы еще поговорить с мужем. Все кости адвоката Флеймана были перемыты, выдуманные заверения о поддержке коллег с работы приведены, при этом она благоразумно умолчала о благотворительной акции Боршевича. Да, еще перечислила полный перечень продуктов, которые принявший пакеты надзиратель равнодушно обещал передать супругу.

– Расскажи, как ты тут, – сказала Анна и сама осеклась.

Виктор хранил молчание. Ледяное – Анна аж поежилась от такого взгляда мужа.

– Я тут хреново, – сказал он. – Разве в тюрьме может быть по-другому? Это все из-за твоей скрытности.

– Что? – не поняла она.

– Отсутствие тем для разговора, вот что. Я так о тебе ничего и не узнал.

– Витя, о чем ты?

У нее колотилось сердце, ей казалось, что она чувствует, как внутри натягиваются в напряжении нервные нити.

– Я ничего о тебе не знаю, – повторил он. – Ты никогда не рассказывала, кто у тебя есть кроме меня. Почему, Аня?

– Боже мой, дорогой!

– Вот только не надо! Жалости не надо! Я, – он ткнул себя пальцем в грудь, – имею право хоть на какое-то желание?

– Господи, ты еще спрашиваешь!

– Мне нужно одно: знать, что ты счастлива.

– Но я счастлива! То есть, с тобой я счастлива. А сейчас... конечно... то есть я...

– Аня, – веско сказал Виктор, – ни я, ни тем более ты не станем отрицать, что в последние годы у нас не очень. В смысле секса – да ты и сама поняла, о чем я. Это, конечно, катастрофа. Прежде всего – для тебя.

– Витя...

– Не перебивай! Пожалуйста, – спокойнее продолжил он, – мы же договорились. Я имею право, так что дай мне сказать. Я знаю, я виноват. Наверное, не надо было откладывать тогда, в Киеве. Может, у нас уже был бы ребенок. Может, все уже было бы по-другому. Было бы как раньше, только уже с детьми. И жили бы лучше – говорят, деньги появляются вместе с детьми. Может, и этого всего не было бы.

Он потупил взгляд, но – нет, не заплакал. Поднял голову – спокойствие никуда не исчезло, вот только в холод Анну теперь не бросало. Ее сердце разрывалось от его слов.

– Господи, солнце мое! – слезы душили ее. – Я обязательно добьюсь, чтобы нам разрешили встретиться. Я в министерство напишу, в парламент, куда угодно, черт с ними со всеми!

– Аня! Перестань, пожалуйста! Со мной все кончено, это вопрос решенный. Не перебивай, – поднял он ладонь. – Идеальный вариант для меня – это выйти через семь лет живым и не калеккой. И чтобы не припаяли еще срок. Захотят – найдут за что.

– Господи, Витя!

– Не обо мне сейчас. Я виноват, и я хочу искупить свою вину. Лично.

– Витя, – она уже плакала, не стесняясь, – ты хочешь меня обидеть?

– Я хочу, – не отступал он, – чтобы ты начала новую жизнь. Как бы со мной, но на самом деле без меня. Тем более, что так оно теперь и будет.

– Витя, я напишу...

– Послушай, мы – никто, неужели ты этого не понимаешь? Я никто, а вместе со мной и ты никто. Я не прошу верности до гроба, но и на разводе не настаиваю. Но ты не должна страдать. Не должна губить себя только из-за того, что закапывают меня. Стань кем-то, я тебя очень прошу.

Анна смотрела на него сквозь слезы, закрыв нос и рот скрещенными ладонями.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы ты жила так, как у нас было раньше. Чтобы ни в чем себе не отказывала и, главное, ни в ком. Я не буду возражать, – повысил он голос, заметив, что Анна пытается что-то сказать. – Более того, я настаиваю. Слышишь, настаиваю. Я хочу знать все. Кто твои мужчины. Нежны ли они с тобой или грубы, и что тебе больше нравится. Какие позы и с кем ты предпочитаешь. Хороши ли они в оральных ласках и как тебе их члены на вкус. Каждый раз – новый отчет. Я настаиваю, слышишь?

Его голос звучал откуда-то со стороны. Или это она, Анна, была не здесь, не упиралась локтями в этот липнувший потертый стол, не царапала взгляд о решетку, за которой сидел он.

Безумный человек с чужим и тяжелым взглядом.

5. Нику

На проститутку Анжела не тянула. Нику вспоминал общаковых шлюх, неторопливых и надменных – последнее особенно ощущалось, когда дела Нику покатались под гору. Что бы ни происходило, им не изменяло одно – внутреннее ощущение, что продавая свое тело, они делают большое одолжение. Нику чувствовал их превосходство и иногда пользовался им для оправдания того, почему к сорока годам у него так и не вышло ничего путного с женщинами.

Шлюхи привыкли, что с ними все проходило быстро и не считали, что обязаны ему чем-то большим, чем удовлетворением нехитрых капризов в отношении его видов на семьяизвержение. С этим проблем никогда не возникало: девушки охотно закрывали глаза, приподнимали груди, вытягивали языки и, кажется, даже находили удовольствие в том, что с Нику можно заработать быстрее, чем с остальными парнями. Выбирать ему не приходилось: выбор шлюх в общаке был далек от султанского гарема, но шлюхи были своими, проверенными – временем и докторами. К тому же в общаке действовало неписанное правило, которого воры старались придерживаться хотя бы из инстинкта самосохранения. Не рекомендовалось гулять на стороне, вне семьи и общаковых девушек. Последствия принесенных в общак инфекций могли быть самыми жесткими, вплоть до запрета на профессию, как однажды случилось с домушником Козырем, полгода сводившего концы с концами. Парню просто отпилили бы голову, вздумай он обчистить квартиру в период действия санкций.

В последние годы общие шлюхи оставались одной из немногих привилегий общака и одним из немногих свидетельств того, что общак еще жив. Впрочем, такая привилегия не особо радовала Нику. Часто денег ему не хватало даже на выпивку, что уж говорить о более серьезных развлечениях. Исключением была лишь рыжая Маша, проститутка, выделявшаяся не только цветом волос, но и возрастом. Думая о ней, Нику вспоминал, что ему самому почти сорок и содроганием понимал, что ей-то теперь где-то под пятьдесят.

Машу он потерял из виду лет пять назад, как раз тогда, когда понял, что с девушками у него теперь будет не только быстро, но и все реже и реже: слишком уж безграничным виделся океан, в котором утопали перспективы воровского ремесла. Он не мог точно сказать, чего было больше в Машином отношении к нему, и возможно ли такое, чтобы проститутка влюбилась в клиента. Сомнениями он обычно мучался после неудачных свиданий – а такие случались все чаще, и после них Маша была особо радостна и нежна, по крайней мере, на словах. Успокаивая Нику обещаниями следующего раза – «у тебя все еще получится», – она быстро одевалась и оставляла его одного, голого, пахнущего потом и спермой. Проблема была в том, что другие шлюхи не говорили ему и такого. И все же кризис профессии умерил даже эти его скромные аппетиты, и Машу он перестал заказывать даже раньше, чем остальных шлюх: не хватало еще ее сочувственных пожеланий скорейшего денежного достатка. Теперь Нику все чаще оставался наедине с собой, в собственном туалете, где, испытав мимолетное удовольствие, он до конца дня гарантированно портил себе настроение.

Маша исчезла из его жизни, но ее рыжие волосы все так же развивались в уголках его памяти. Нику даже стал представлять несбывшееся, как она избавляет его от проклятия, за которое его так любили охочие до быстрых денег молоденькие проститутки. В прежние годы он тешил себя надеждой, считал, что с возрастом все образуеться и что его странная слабость, которой принято считать преждевременное семьяизвержение, останется в прошлом и в этом находил оправдание все более заметной седине на висках. Увы, сорокалетний рубеж принес ему две паршивые новости: он все меньше зарабатывал и все быстрее кончал в своем проклятом туалете. Кто знает, а вдруг и вправду Маше не хватило какого-то года, чтобы сделать его мужчиной? И разве не делают женщины себе мужчин только из тех самцов, которые заставляют их часами корчиться в нескончаемом огне страсти? Где же ты, Маша? Пусть подурневшая,

с морщинами и затухающим вкусом к и без того дряной жизни, но еще более опытная и, кто знает, не остывшая ли к нему? Он знал, он чувствовал, и переубедить его не могли бы даже еще с десяток новых постельных неудач – сделать Анжелу его союзницей ему могла помочь одна лишь Маша.

С Анжелой все было ясно: ну какая из нее шлюха? Ей не хватило бы смелости даже на какую-нибудь отчаянную глупость, даже на шантаж руководства «Молдова-газа». Сообразила бы она хотя бы такое: собрать данные с нескольких кварталов, чтобы, донимая начальство телефонными звонками, потребовать повышения нищенской зарплаты? Решилась бы Анжела на такое, ставя собеседника на другом конце провода перед выбором – согласиться для вида и изувечить гадину в условленном месте встречи, или не ввязываться, а отправить в те же кварталы еще парочку низкооплачиваемых дур, не беспокоя сигналом о шантаже полицию, от которой, кто знает, не больше ли проблем, чем их решения.

Нику с его двухсоткой не стал для нее спасением, но она и не привыкла к тому, что деньги ей дают просто так – а пятна колы на одежде не воспринимаются как ущерб, если не уверен, что завтра останутся деньги на обед. Вариант подаяния Нику не подходил, это само собой. Не годился и вариант сексуальных услуг, несмотря на намеки Анжелы. Секс – не лучший союзник в деле создания банды, особенно если секс – слабое место Нику. И все же секс – его единственный шанс, секс взрослого мужчины с молодой, но уже познавшей главный вкус жизни женщиной. Он должен был стать для нее богатым меню, из которого она будет баловать себя разносолами, выбирая, в зависимости от часа и настроения, яростные проникновения или нежные прикосновения, от которых ее било бы током не меньше, чем от самых диких толчков.

Маша, Маша, рыжеволосая бестия! Может, она уже давно умерла?

– Наша Машка, что ли? Бля, ты бы еще Крокодилиху вспомнил.

Длинная Сима смотрела на Нику с недоумением и раздражением. Она уже разделась до одних чулок и пыталась понять, нужно ли ей ломать себе голову по причине первого за год с лишним визита Нику, или плюнуть на все и отработать свое. Как это всегда бывало с ним – быстро и безо всякого удовольствия.

Нику тоже вспомнил Крокодилиху, еще одну шлюху с огромным подбородком, которой больше подошло бы какое-нибудь лошадиное прозвище. Переспать с ней он не успел, и это был на его памяти единственный случай, когда исчезновение проститутки из общака было связано со счастливым для нее концом. Крокодилиха своего не упустила. Природное несовершенство заместила природным же инстинктом хищника, и может, ее товарки даже жалели, что дали ей прозвище, которое не стеснялись говорить ей в глаза. Она его с лихвой окупала, захомотав владельца коньячного завода и с первой ночи взяв у него обещание жениться.

– Так ты ради Машки, что ли?

Уже не стесняясь клиента, Сима прикрывала наготу, и Нику даже похолодел. Сейчас поднимет скандал, решил он. Вызовет сутенера и представит дело так, что Нику не рассчитался. А ведь он заплатил, чтобы даже не притронуться к ней.

– Очень надо, – положив руку себе на грудь, признался Нику.

– Да ты романтик! – хохотнула Сима. – Страдаешь по Машке, что ли? Сколько же лет вы не виделись?

Нику отвел глаза и с удивлением понял, что сам начинает верить в версию проститутки.

– Охренеть! – уставившись на него, Сима забылась и ее руки, в которых она сжимала футболку поползли вниз, вновь оголив слегка обвисшую грудь.

– Послушай, – сказала она, – мне не хочется тебя разочаровывать, но... Черт, надо же, как неловко.

Ее нет? – спросил Нику. – Маша умерла?

– Да жива она, – сказала Сима и быстро натянула футболку на голое тело. – Вот только дела у нее не очень, насколько я знаю.

Присев на край кровати, она продела ноги в трусики и, вскочив, прикрыла ими то, что еще полчаса назад не собиралась скрывать от Нику.

– На Скоростной она, – со значением сказала Сима. – Давно и, боюсь, до конца.

Когда-то улица Каля Басарабией, бывшая Скоростная, была начальной точкой карьеры всех кишиневских шлюх. Теперь же работа на Скоростной – улице, задуманной для разгрузки от транспорта центра города, была равносильна изгнанию из рая. Местом, где старели и откуда навсегда исчезали жрицы любви. Здесь были все – алкоголички и брошенные одиночки с тремя детьми, бывшие валютные и молодые дуры, перебравшиеся в столицу после исхода населения из родных сел.

Найти Машу оказалось делом нелегким, а главное накладным. Три дня подряд Нику высматривал в выплывающих из сумерек бледных фигурах знакомый силуэт, притормаживая водителей такси, колесивших по улице, проложенной еще при «совке», вдоль которой с обеих сторон высились столбы без единого фонаря. Красные Скоростной подошли бы в самый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.